

Виталий Петрович Мошин был небольшого росточка — сто пятьдесят два сантиметра. «Метр пятьдесят два»,— говорил он сам о себе. «Метр с шапкой»,— называли его старушки-соседки. «Метр в шапке и на каблуках»,— шутили над ним коллеги-медики из числа молодого персонала больницы.

В больнице и в районной поликлинике подчёркивали его рост, обычно в нерабочее время, когда сам Виталий Петрович давал коллегам повод так говорить и судить его. Чаще всего происходило такое, когда весь коллектив медицинского учреждения собирался на общий для всех праздник за одним большим столом в красном уголке поликлиники или накрывал огромным танковым брезентом поляну на берегу Солёного озера. Брезент всегда возил с собой в «уазике» персональный водитель главврача Угрюмов. Он же, как правило, подвозил к берегу и закуску с выпивкой. С выездом на природу почти всегда отмечали День медицинского работника. А вот чествование коллег-юбиларов, вне зависимости от времени года и погоды, чаще проводили под крышей.

Непременный участник всех застолий фельдшер Виталий Петрович Мошин, подвыпив, становился очень беспокойным и не в меру разговорчивым. «До чего же шебутной»,— говорил о своём сотруднике главный врач больницы Котов и просил сидящих рядом с Петровичем коллег наливать ему «через раз» и следить, чтобы он закусывал.

Уже после второй выпитой рюмки Виталий Петрович начинал говорить громче, после третьей обычно сыпал анекдотами с неприличными выражениями и заливался смехом. Иногда он смеялся один, потому что присутствующие женщины после его слов краснели и отворачивались, а мужчины становились

мрачными и у большинства из них сразу появлялось желание выпить ещё.

Примерно минут через сорок от начала застолья шебутной медработник начинал петь. Он затягивал первый куплет и призывал всех ему подпевать. Репертуар больничного запеваля традиционно начинался патриотической песней советских времён.

Неба утреннего стяг...
В жизни важен первый шаг.
Слышишь: реют над страную
Ветры яростных атак! —

повторял раза три Петрович, пока не добивался, чтобы все медработники, включая главврача и его супругу, подхватили припев.

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди...—

кричали человек тридцать — весь коллектив медучреждения. К ним после второго куплета присоединялись ещё столько же: жёны, мужья и друзья работников районной больницы — за всегдатаи таких посиделок.

С неба милости не жди,
Жизнь для правды не щади.
Нам, ребята, в этой жизни
Только с правдой по пути,—

стройно и с азартом тянули подвыпившие, раскрасневшиеся люди, неотрывно глядя на стоящего в центре маленького человека, дирижировавшего ими.

А разошедшийся Виталий Петрович широко махал руками, держа в одной рюмку, а в другой вилку.

Когда же Петровичу становилось грустно после выпитого, то он затягивал про любовь:

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая.

Эту песню за ним подхватывали женщины возрастом за сорок:

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Когда песня подходила к словам:

Ещё косою острою
В лугах трава не скошена,
Ещё не вся черёмуха
К тебе в окошко брошена,—

в песенный процесс включались все сидевшие за столом или расположившиеся на поляне люди.

Первое время медики приглашали на свои праздники музыкантов — гармонистов или баянистов — и с удовольствием танцевали и кадрили, и даже цыганочку. Но насладиться хорошей музыкой, танцами и пением под баян им было суждено недолго. Обычно в разгар праздника Виталий Петрович начинал требовать, чтобы музыкальный инструмент непременно передали ему, а если ему его с улыбкой не уступали, он шёл в атаку и пытался отобрать собственность у хозяина. Не все баянисты и гармонисты любят доверять свои инструменты в посторонние руки, поэтому некоторые оказывали Петровичу сопротивление. В одной из таких схваток был разорван на две части очень дорогой по стоимости баян марки «Юпитер». Бóльшая часть баяна осталась висеть на плече у хозяина, Петровичу досталась часть меньшая, но с кнопками, и он, с силой нажимая на них, пытался извлечь из оторвыша хоть какие-нибудь звуки.

— Больше чтоб никакой музыки,— сказал после этого случая, собрав коллектив на планёрке, главврач Котов.

С тех пор музыкантов приглашать перестали, и танцы с плясками, даже под магнитофон, больше не устраивали.

До конца праздника Виталий Петрович Мошин никогда не дотягивал. Примерно через час-полтора он падал со стула как сражённый автоматной очередью или, внезапно лишившись чувств, плюхался лицом в винегрет.

Дальше дело происходило по одному из трёх вариантов.

По самому распространённому, двое молодых парней-медработников брали сражённого под руки и волокли его домой. Петрович жил недалеко от больницы, за парком, и через двадцать минут парни уже возвращались к столу.

Если же дело происходило на природе, то пьяного медработника Мошина отвозил домой на машине водитель главврача Угрюмов. Благо озеро находилось километрах в двух от райцентра, и доставка Петровича до дома тоже происходила быстро.

Иногда по команде главврача кто-то из сотрудников больницы звонил домой Мошиным, и в красный уголок приходили два уже взрослых сына Виталия Петровича, Виктор и Анатолий, и уводили, а то и уносили отца.

Третий, самый неприятный для Петровича вариант доставки его в пьяном виде к месту постоянного проживания был, когда по звонку за ним являлась его жена.

Высокая (сто семьдесят восемь сантиметров) и плотно сбитая (весом под девяносто килограммов) Варвара была моложе своего мужа на десять с половиной лет, но из-за жизни с юности своей нелёгкой она стала рано сесть, а из-за избытка веса и природной неуклюжести рано стареть и на фоне своего вечно моложавого, хотя уже возрастом за пятьдесят, супруга казалась старше его.

Варвара никогда не участвовала в больничных застольях. Сколько бы раз ни приглашали её, она находила причину отказать. Но когда звонили из больницы и трубку брала она, то за мужем приходила лично.

Если Петрович был совершенно без чувств, то Варвара брала его на руки, как младенца, и несла домой через парк. Бессознательно Виталий Петрович обхватывал жену за шею, прижимал голову к её груди, продолжая спать.

— Опять Варька своего докторишку на ручках несёт, напился снова, бедняжка,— обсуждали соседки-старушки, сидя на скамейках в парке или у своих домов, и, улыбаясь, кивали вслед Варваре.

Но ежели Виталий Петрович приходил в сознание, когда Варвара отрывала его от стола, он всеми остатками сил сопротивлялся и не давался ей на руки. В этом случае жена бесцеремонно сгребала мужа в охапку, устраивала его под мышкой, обхватив в районе пояса и зажав ему руки.

Виталий Петрович дрыгал ногами, крутил и мотал своей белобрысой головой, пытаясь освободиться. Он кричал на жену, требовал поставить его на ноги, страдал и ругался матом, но знающая дело Варвара ещё крепче прижимая к себе мужа, убыстряла, как могла, шаг и уверенно несла Петровича к дому.

В конце концов, устав сопротивляться, Петрович смирялся, переставал дёргаться в Вариных руках и от безысходности вновь запевал недопетую им в красном уголке песню:

Ещё не скоро молодость
Да с нами распрощается.

Люби, куда любитя,
Встречай, пока встречается!

Встречные прохожие останавливались, глядя на такую картину, а соседки-старушки молча, разинув рты, вставали со скамеек.

Празднества в поликлинике и на природе проходили, конечно же, не каждый день, а раза три, от силы четыре в год, включая День медицинского работника. На протяжении нескольких лет всё шло по одному сценарию, где в первом отделении за столом главным действующим лицом оказывался не тот, кого чествовали, а Виталий Петрович Мошин. Финал его участия был предсказуем, и все его знали, к нему привыкли и дружно терпели выходки коллеги.

Терпели и прощали Виталию Петровичу эти и другие его выходки ещё и потому, что работник в коллективе он был незаменимый.

Виталий Петрович был...

Наверное, всё-таки надо рассказать о нём с самого начала, тогда станет более понятно, кем и чем был медик Мошин для больницы районного центра, расположенного в красивом месте у соснового бора, недалеко от Солёного озера. Бор летом считался грибным местом, а Солёное озеро — достопримечательностью края, к песчаным берегам которого за целебной грязью приезжали паломники со всей Сибири.

Километрах в двадцати южнее районного центра, продуваемый ветрами, на открытой местности, в трёх верстах от тракта, располагался посёлок под названием Борок. Борок и вправду до войны стоял среди высоких сосен, но в лютые голодные и холодные военные годы оставшиеся в посёлке жители, в основном женщины, спилили на дрова все деревья, и теперь въезжавших в посёлок с тракта лишь в двух местах встречали по три сосёнки да десятка два пней, которые не смогли выкорчевать в те суровые годы.

В этом самом Борке, в большой крестьянской семье, и родился будущий медик Виталий Мошин. Он был пятым ребёнком из семи детей Петра Степановича и Анны Кузьминичны Мошиных. Как потом оказалось, самым маленьким по росту, но самым смышлёным и способным из всех. Восемь классов Виталий закончил в родной поселковой школе, а девятый-десятый — в упомянутом уже выше районном центре. С юных лет пытливого паренька

тянуло к медицине, и он мечтал сначала стать ветеринаром — лечить животных, а потом, когда сильно заболел отец, — врачом-терапевтом, думая после школы поступать в медицинский институт. Но пока он оканчивал школу, отец умер, старшие братья и сёстры завели свои семьи и разъехались по всему краю. С матерью, кроме него, остались две младших сестры-школьницы. Понимая, что в доме он теперь последний мужчина, Виталий скорректировал свои планы и вместо мединститута в краевом центре поступил учиться на фельдшера в медицинское училище в близлежащем от Борка городе (ещё южнее километров на двадцать).

До начала сороковых годов двадцатого века небольшой город этот имел лишь одну примечательность: он располагался на железной дороге, и, кроме автостанции, был там ещё и железнодорожный вокзал. В самом начале Великой Отечественной войны организовали, а затем и выстроили на окраине города крупный тракторный завод. Чуть позже рядом с заводом появилось несколько промышленных предприятий, работающих на «оборонку», и население города за счёт приезжих увеличилось раза в три-четыре. В конце сороковых — начале пятидесятых стали строить недалеко от завода высоко-этажные дома, благоустраивать улицы и дворы, и город расцвёл. Школьником Виталий с отцом, матерью, старшими братьями, а то и один, нередко ездил в город тракторостроителей, где в магазинах выбор одежды, обуви, да и продуктов был получше, чем в Борке или районном центре.

Вот и отправился в хорошо знакомый ему город на учёбу выпускник средней школы Виталий Мошин. Каждое утро на ранней молоковозке, уходившей с борокской фермы в город, уезжал он на учёбу, а вечером возвращался. Часто тоже попутным транспортом, идущим из города в райцентр или ещё дальше. Выходил у тракта и три версты по дороге, а то и по бездорожью шёл до дома. Осенью, зимой, весной. И так три с лишним года.

Учился Виталий хорошо, и когда закончил медучилище, его взяли на работу дежурным фельдшером в первую больницу города тракторостроителей.

За пять лет работы в городской больнице фельдшер Виталий Мошин многому научился и зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны. Он не ограничивался выездами на скорой, не считал зазорным выполнить работу медбрата, когда нужно было, заменял медсестёр: делал уколы и перевязки, помогал врачам во время приёма больных в поликлинике. Ассистировал терапевту, кардиологу, дерматологу и даже врачу по

мужским болезням — урологу, который совмещал ещё и должность андролога. Работая с последним, молодой фельдшер преуспел более, чем с другими, и руководство больницы, когда уролог-андролог уходил в отпуск, стало поручать Виталию вести приём больных самостоятельно. Приходилось фельдшеру Мошину раза два-три подменять в поликлинике и терапевта, и дерматолога, а когда он сам выезжал на скорой помощи по вызову, то применял свои знания и навыки и в хирургии (было дело, ставил на место кость при вывихах руки или ноги), а случалось, был и наркологом, и психиатром, и даже массажистом.

Несколько раз руководство городской больницы предлагало Виталию повысить квалификацию — поступить в медицинский институт, выбрав врачебную специализацию. Он был не против, но с учёбой оттягивал и при каждом удобном случае, в выходные для себя дни, старался поехать в Борок.

Анна Кузьминична всё чаще и чаще болела. За ней теперь ухаживала только младшая сестра. Другая, хотя и жила в посёлке, выбиралась к матери крайне редко. Муж, дети, работа на ферме, домашнее хозяйство отнимали у неё уйму времени.

Вот и метался Виталий между городом и посёлком, между основной работой и уходом за матерью. Естественно, будучи дома, он заготавливал на зиму дрова, доставал комбикорм для поросят, делал грядки, сажал, окучивал и выкапывал картошку в огороде.

Когда же пришёл черёд и младшей сестре выходить замуж и ехать жить в районный центр, встал вопрос о переводе Виталия в фельдшерско-акушерский пункт родного посёлка.

Вопрос этот встал чуть раньше, когда заведующая Борокским пунктом (по названию первых букв — ФАПом) засобиралась на заслуженный отдых. Она уже лет пять до этого числилась пенсионеркой, но замены ей не находилось. Несколько раз Виталий, будучи в Борке, по собственной инициативе дежурил в ФАПе, подменял заболевшую заведующую.

Когда же заведующая ушла с работы окончательно, в дом Анны Кузьминичны в Борке пришли, а затем приехали и в горбольницу ходатаи из числа жителей посёлка и упросили мать Виталия уговорить сына, а главврача больницы — отпустить земляка-фельдшера на работу в ФАП.

Дома Виталия упрашивать мать, а в городе главврач вызвал его к себе в кабинет и спросил в присутствии ходяков:

— Ну что, поедешь? Люди просят...

— Ну, раз просят — поеду, — ответил согласием Виталий.

И он вернулся в Борок.

— Где родился — там и пригодился, — сказала ему мать, когда он отработал первый день в должности заведующего ФАПом.

За годы работы в городской больнице и последующие четыре с половиной в фельдшерско-акушерском пункте молодой фельдшер в пьянстве замечен не был. Когда жил в посёлке, то с утра до позднего вечера находился в ФАПе. Часто без выходных. К тяжёлым больным ходил на дом. Всегда старался оказать помощь заболевшим самостоятельно и только в экстренных случаях связывался с районной или городской больницей и отправлял больного в райцентр или в город.

Человек он был безотказный, и некоторые в посёлке его добродушием пользовались.

Как-то пришёл к нему в ФАП председатель поссовета, бывший военный Фёдор Степанович Воронков, и первый из всех сельчан назвал его по имени-отчеству:

— Слушай, Виталий Петрович, ты вот людей лечишь, диагнозы с ходу верные ставишь. А животных лечить пробовал? У меня бычок годовалый простыл, что ли... Хрипит второй день, и что-то навряде кашля у него. Можешь посмотреть? Простуда, я так думаю, и у людей, и у зверей по одинаковым симптомам протекает.

Виталий визит главы посёлка к нему счёл за честь и посмотреть бычка согласился.

А на другой день весть о том, что фельдшер лечит животных, разлетелась по всему Борку...

На молочно-товарной ферме (МТФ) работал зоотехник, но его знаний не всегда хватало на то, чтобы правильно определить, почему и отчего всё-таки заболела самая удойная корова или подрастающий бычок. Нужен был ветеринарный врач, а их в районе было немного. Двое работали в райцентре, и ещё столько же — в двух крупных хозяйствах района. На фермы посёлков они выезжали по крайней надобности и в Борок наведывались по одному или по два раза в год, и то больше для профилактики.

Вот и стали после случая с председательским бычком приглашать на ферму и на личные подворья сельчане молодого фельдшера. На ферму реже, на личные подворья — чаще.

За ним прибегали в ФАП, приезжали на машинах и на мотоциклах домой ранним утром, днём и поздним вечером и вели и везли к тяжелобольным, к числу которых теперь относились качающийся на ногах боров по имени Борька, не поднимающийся второй день пёс по кличке Верный, охрипший петух

Петя, страдающий от переедания кот Кеша. А ещё заболевшие тёлочка Зорька, овечка Маня, уточка Соня и даже привезённый из жарких стран сине-зелёный волнистый попугай Пиночет.

Конечно же, фельдшер ФАПа не мог в полной мере заменить ветеринарного врача, но за лечение животных он брался, и в большинстве случаев его советы по лечению помогали. В знак благодарности хозяева исцелённого от недуга крупнорогатого, мелкорогатого и совсем безрогатого скота старались сделать приятное фельдшеру. Его приглашали за стол, предлагали деньги и продукты питания.

Молодого заведующего ФАПом это поначалу сильно смущало, и он отказывался от угощений, денег и подарков. Отнекивался и поспешно уходил. Но всё-таки не устоял однажды под натиском соседки. Тётка Дарья пригласила его в дом, после того как он вылечил её овечку, налила горячего борща, выставила на стол большую чашку с пирожками и чекушку водки.

— Ты давай, Виталя, ешь-пей, пока есть возможность, — сказала она, — дома-то варить тебе некому. Мать ослабла совсем, на ногах едва держится. Поешь здесь у меня и ей пирожков отнесёшь. Я от всей души старалась. Мы же с Нюрой по молодости такие подружки были — куда она, туда и я. И в школе вместе учились, и на ферме работали, и в поле.

Виталий не мог отказать подруге матери и за стол сел.

— И не будь таким скромным, — напутствовала, провожая его домой и вручая корзину с пирожками и литровую банку молока, соседка, — дадут что — бери. Люди от всего сердца предлагают — не обижай их. Ты когда отказываешься от их гостинцев, они потом долго переживают, думают, что что-то не так сделали... Бывает, и расстраиваются, и спят плохо потом. Ты же, как доктор, должен понимать такие вещи...

С той поры фельдшер Виталий Петрович Мошин от застолий и гостинцев отказываться перестал. Правда, за столом меру знал. Выпивал рюмку-другую водки или самогона и, отобедав или отужинав, уходил в хорошем настроении, но крепко стоя на ногах. Не отказывался он теперь и от сумок и корзинок, что давали ему с собой. Бывало, дома, разбирая поклажу, под куском сала или овощами находил он целлофановый пакетик с несколькими рублями.

И ещё одно поворотное событие произошло в жизни фельдшера во время его работы в родном посёлке. На двадцать девятом году своей жизни он женился.

Заходя на ферму, Виталий нередко встречал высокую, крепко сложенную девчонку, кормившую и поившую молоденьких тёлочек. Варвара с первой встречи поразила его и фигурой, и ростом, и открытым любопытным взглядом. Как он узнал потом, она пришла на ферму помогать матери, окончив в школе восемь классов, а когда её приняли на постоянную работу в отделение совхоза, то доверили отдельную группу молодняка. Была Варвара единственной дочерью скотника Бориса, работавшего рядом с женой и дочерью. Борис Борисович имел фамилию Борисов. Он немногим превосходил ростом фельдшера — сантиметров на пять-шесть, но был заметно ниже жены своей Тамары, которая возвышалась над мужем на целую голову. Когда Варвара подросла и стала выше не только отца, но и матери, в посёлке стали в шутку говорить, что она «ни в отца, ни в мать, а в соседа». При этом кивали на стоящий рядом дом немца Бауэра. Генрих Бауэр, двухметровый рыжий мужик, тоже работал на ферме: зимой скотником, летом пастухом. В то, что он мог быть отцом Варвары, скорее всего никто не верил, ибо все его четыре дочери имели явную печать отца: носили на голове копы соломенного цвета, а на лице — не сходящие веснушки. Варвару же ни соломенным волосом, ни веснушками природа не наделила. Шатенка, летом от загара чуть смугловатая, с явными чертами славянской внешности. Шутка, ходившая по посёлку и на ферме, нисколько, казалось, не волновала Бориса Борисовича. Услышав подобные речи, он улыбался и даже согласно кивал, вставлял ответную шутку: «Да, было дело: сдавал Генриху Тамарку в аренду». Улыбался сам себе, когда шутка доходила до него, и славившийся своей угрюмостью, малоразговорчивый Бауэр.

В общем, шутка «в кого Борисова Варвара» никого в Борке не раздражала и считалась вполне добродушной. Борисыча в посёлке уважали. Конечно же, и за лёгкий, незлобный характер, но в первую очередь за то, что он, как и фельдшер ФАПа, был человеком безотказным и востребованным. Борис Борисович имел особый дар: он легко ладил с животными. Мог подойти к разбушевавшемуся быку и успокоить его лаской и разговорами, укротить встающего на дыбы жеребца, пошептать на ушко и почесать бочок взволновавшемуся борову. Эту способность заметили у него ещё в молодые годы и стали приглашать его на забой скота. Поначалу Борису такая его роль не очень нравилась. Но психотерапия его хорошо поощрялась: после забоя ему давали с собой солидный кусок мяса, угощали

жарким, и он привык. А потом и сам стал забойщиком. В первые ноябрьские дни и в конце декабря на услуги Борисыча в Борке даже образовывалась очередь. Пользовались услугами забойщика скота мать и сестра фельдшера, а один раз Виталий Петрович даже сам ходил просить Бориса Борисовича помочь справиться с откормленным хряком.

В общем, фельдшер хорошо знал родителей Варвары, а на неё до поры до времени внимания не обращал. Но вот увидел как-то за работой на ферме, и сердце его ёкнуло.

Не сразу решился Петрович прилюдно проявить свой интерес к молодой телятнице. И, может быть, не решился бы вообще, если б не появилась сначала в посёлке, а потом и на ферме шустренькая деваха по имени Люся.

Люся приехала из райцентра в Борок к бабушке погостить, но задержалась, а потом и вообще осталась жить.

Примерно через год, как стал лечить животных, Петрович один-два раза на неделе сам заходил по утрам на ферму. И как-то заведующая подвела его к новой доярке.

— Вот, познакомьтесь — наша Люся,— представила доярку фельдшеру заведующая.— Постоянно просит у меня то борный вазелин, то касторовое масло. Говорит, что знает, что делать. У бурёнки нашей трещинки на сосках появились...

— Да, конечно же! — воскликнула Люся, кивнув фельдшеру.— Отчего трескаются соски? Оттого, что не следят за ними, не протирают как надо после дойки. Нужно же содержать коровку должным образом, а не то у неё лактация прекратится или, что ещё хуже, молоко станет непригодным для употребления.

— Она права,— сказал заведующей Петрович,— знает дело.

— Да я знаю, что она права,— согласилась заведующая.— Только вот она ещё требует перевести корову в другое помещение, а я где его найду, другое, сухое и светлое, помещение? Можно как-то коровку эту здесь полечить и чтобы доить её не переставать?

— Давайте попробуем, посмотрим,— вдохнул фельдшер.

— А ты откуда такая-то? — спросил Петрович Люсю, когда заведующая оставила их.

— Я-то? — Люся посмотрела на Петровича с любопытством,— Я на центральной усадьбе дояркой была. Вы обо мне разве не слышали? Про меня четыре раза уже в районной газете писали. Про то, что надои были хорошие. Одни из лучших в районе.

— А что к нам перебралась?

— Да от мужа сбежала. Дурной оказался. Даже года не прожили с ним вместе. А мне с ним делить нечего, детей нет. Оставила его в его квартире, а сама к вам. Знала, что примете.

Было видно, что новая доярка весёлого нрава. Улыбка так и играла на её щёчках. Росточком она была с Петровича, хотя породой больше в Бауэра — чуть с конопушками и рыжеватая.

— А мне с первого разу показалось, что тебе лет семнадцать, не больше, — пошутил Петрович. — Вот, думаю: со школы — прямо на ферму.

— Семнадцать мне в другой жизни было, — продолжая улыбаться ему, ответила Люся, — а через месяц этой жизни двадцать восемь уже исполнится...

В свои последующие приходы на ферму фельдшер неизменно встречался с Люсей. Даже когда заходил в отделение по выращиванию молодняка, она оказывалась рядом. Здоровалась с ним, включала улыбку и принималась давать советы по лечению и профилактике молодняка. В большинстве своём советы опытной доярки Петрович принимал и брал к сведению.

Естественно, на ферме не осталось незаметным частое общение фельдшера и новой доярки, и по посёлку пошли разговоры. И вот однажды...

Однажды, когда фельдшер проводил на ферме профилактическую беседу при большом скоплении народа, заведующая, улучив момент, как бы в шутку спросила:

— Виталий Петрович, до нас дошли слухи, что вы собираетесь заслать сватов в дом Люсиной бабушки с предложением руки и сердца. Это правда? Скажите нам.

Фельдшер, восторженно рассказывающий о профилактике заболеваний животных, после слов заведующей замер с открытым ртом.

— Вы и Люся — такая пара отличная! Ну прямо созданы друг для друга! — не давая опомниться фельдшеру, вставила заведующая фермой.

Сказано это было при Люсе и, что, наверное, очень важно в этом случае, при всём семействе Борисовых.

Слова заведующей, было видно, смутили фельдшера, но, как оказалось, не сильно, и он тут же с улыбкой ответил ей, а заодно всем собравшимся так:

— Да я бы рад сватов заслать, да вот боюсь, что с Люсей у нас детишки мелковатые пойдут. А вот в дом Бориса Борисовича

сватов бы я отправил. Думаю, что с Варварой мы бы отличных ребятишек нарожали. Красивых, как она, и умных, как я!

После этого на всей ферме наступила минута тишины. Притихли коровы, тёлочки и бычки. Притихли люди: доярки, телятницы, скотники. В глазах людей и животных застыло любопытство.

— Ну вот вам и принародное признание в любви! — не растерялась заведующая фермой.— А мы то думаем-гадаем: кого наш Виталий Петрович замуж за себя позовёт? Выходит, Варвара приглянулась. Жди сватов, Борис Борисович!

— Да пусть приходят! — отозвался скотник Борисов, поддерживая игру в слова и, скорее всего, принимая сказанное за шутку.— У меня дома по вечерам с двадцати ноль-ноль до двадцати одного часа приём по личным вопросам.

— Ну что, Виталий Петрович, записывать тебя на приём к Борисычу? — засмеялась заведующая.— Придёшь?

— Приду! — сказал уверенно Петрович, и некоторым показалось, что он не шутит.— Записывайте!

И Виталий Петрович Мошин в тот же вечер, один, без сватов, пришёл к Борису Борисовичу. Как было сказано, к двадцати ноль-ноль.

Никто в посёлке так и не узнал, как проходило сватовство фельдшера, но ровно через месяц Виталий Петрович Мошин и Варвара Борисовна Борисова расписались в поселковом совете в присутствии родителей, председателя поссовета, местных депутатов и получили свидетельство о браке. Событие это отмечалось всем посёлком в фойе поссовета. Выпивки и закуски было с лихвой. Подарков тоже. Все остались довольны застольем. Собравшиеся искренне поздравляли жениха и невесту и кричали: «Горько!»

Правда, при поцелуе жениха и невесты чуть было не произошёл один неприятный инцидент, но ему не дали разгореться.

Чтобы поцеловать Петровича принародно в первый раз, Варваре пришлось низко пригнуться.

— Жениха на стул поставьте! Сподручнее ему будет! — видя это, крикнул кто-то из подвыпивших гостей.

Его тут же одёрнули, пристыдили, и он, посрамлённый, с низко опущенной головой удалился во двор.

Слышал ли совет гостя жених? Скорее всего — да. И, видимо, сразу же сделал вывод: когда молодых призывали целоваться ещё, он вскакивал первым и, не давая подняться невесте, обнимал её за шею и припадал к устам.

Вообще жених держался на свадьбе молодцом. С шуткой принимал подарки, с шуткой благодарил, но всё же к концу торжества он первый раз в своей жизни напился допьяна, и впервые Варвара отнесла его на руках домой.

Молодые поселились в доме Мошиных. Мать отвела сыну с невесткой дальнюю комнату. Варвара свекрови понравилась. Никогда не спорила и за любую работу по дому бралась с улыбкой, не один раз удивляла мать мужа приготовленными обедами и выпечкой. Но недолго Анне Кузьминичне пришлось порадоваться с молодыми. Чуть более полугода прожила она с ними душа в душу, потом слегла, а ещё через пару месяцев её похоронили.

Не дождалась немного баба Нюра внука Виктора. Через год и почти четыре месяца после рождения первенца появился на свет и второй сын Мошиных — Анатолий.

Семейная и трудовая жизнь Мошиных протекала спокойно и размеренно. Варвара была покладистой не только со свекровью, но и с мужем. Никогда не спорила с ним и не перечила ему. На втором году семейной жизни Виталий отметил тридцатилетие, а Варваре исполнилось двадцать. Казалось, что всё так и будет идти у них своим чередом в родном для каждого из них посёлке.

Однако судьба в облике краевого медицинского начальника приготовила им перемену места жительства.

На исходе лета в районном центре проходило зональное совещание медработников края. Пригласили туда и заведующего Борокским ФАПом Виталия Петровича Мошина.

Совещание проходило два дня на базе районной больницы и закончилось коллективным выездом на Солёное озеро. На совещании Виталий Петрович познакомился со многими интересными людьми, встретил он и коллег по горбольнице, и приятелей по училищу. Один из его одноклассников — Андрюха Смирнов, немного поработавший с ним в больнице, а затем уехавший учиться в мединститут, — вырос в начальника и представлял на совещании краевой профсоюз медицинских работников. Он-то и познакомил товарища с новым главврачом районной больницы.

— Это Юрий Михайлович Котов, — представил главврача заведующему ФАПом работник крайкома профсоюза, — он со мной в институте учился. Приехал сюда, а здесь с кадрами не всё слава богу. Врачей хороших заманить сложно, даже озером не завлечёшь, а работать, людей лечить надо. А ты, Виталя, спец на все руки, любого врача подменить сможешь.

Вот я и подумал: зачем тебе пропадать в твоём ФАПе? Давай переезжай в райцентр. Будешь работать на скорой, как в городе. Ну и вести приём больных в поликлинике, когда надо. Это тебе тоже знакомо. Там, может, ещё кое-что надо делать будет, но тебе об этом уже главврач в частной беседе расскажет. Если согласишься на переезд, конечно. О жилье не думай. Мы с местной властью договорились: нам два двухквартирных дома для больницы дают. Новых. Три комнаты, кухня большая, веранда, огород, баня, сарай, загон для скота. Что ещё надо? И жену твою трудоустроим. В райцентре две фермы, а телятницы там всегда нужны. Детей в детский сад отдашь.

— А ФАП как же? Кто там работать будет? И дом у меня в посёлке... — не ожидавший такого предложения, спросил его фельдшер Мошин.

— А про ФАП я тебе вот что скажу. Есть решение по краю: некоторые из них закрыть. Где совсем, а где в медпункты преобразовать. Это такие, которые близко к городам или райцентрам расположены. Твой как раз под это дело попадает. Там у тебя две медсестры есть, санитарка. Вот и оставим пока медпункт там. Которая посмышленее из бабёнок, старшей назначим. А ты давай в райцентр переезжай. Юрий Михайлович тебе поможет. А дом свой или продавай, или сестре пока доверь — пусть приглядывает... — сказал по-хозяйски, так, как будто дело уже решено, представитель крайкома профсоюза Андрей Валентинович Смирнов.

— С переездом поможем: машину выделим, людей в помощь дадим, — кивнул главврач районной больницы Котов, — и скотину перевезём, если надо.

Виталий Петрович рассказал дома о сделанном ему на совещании предложении Варваре и неожиданно получил горячее одобрение супруги.

— Конечно, ехать надо! И думать тут нечего! — восторженно сказала Варвара. — В райцентре и детский сад хороший, и магазинов побольше, и в кино ходить хоть каждый день можно...

Мнение её оказалось решающим, и в сентябре, не прошло и месяца, они перебрались из Борка в райцентр.

Вот так и стал работать в районной больнице и вести приём больных в поликлинике медик Виталий Петрович Мошин.

И не просто стал, а через полгода был уже незаменимым. Занимался привычным делом: дежурил на скорой, выезжал в ближние и в дальние сёла, где нередко оказывал первую медицинскую

помощь, давал советы и выписывал рецепты, когда вёл приём в поликлинике. Но, кроме того, все работники больницы знали, что он делает ещё и такую работу, за которую никто из медиков браться не хотел даже под угрозой увольнения.

Виталий Петрович выполнял работу санитаря морга. И даже более того...

Официально ставка патологоанатома в больнице была закреплена за главным врачом Котовым. Он был одним из двух хирургов в штате райбольницы и порой сам делал несложные операции, вёл иногда приём больных, давал заключения по судебным делам. Конечно же, как и патологоанатом и судмедэксперт, главврач должен был лично анатомировать умерших и погибших, но Юрий Михайлович, несмотря на то что был хирургом и резал живых людей, панически боялся мёртвых. Ссылаясь на большую загруженность административной работой, он целиком и полностью доверял вскрытие трупов и определение диагноза смерти своему сотруднику — фельдшеру Мошину.

Нельзя сказать, что Виталий Петрович с удовольствием занимался такой работой. Он даже был в растерянности, когда по приезду в райцентр получил предложение от главного врача.

— Поймите, дорогой Виталий Петрович, просто некому делать это,— сказал в беседе с ним главврач Котов,— давайте попробуем. Вы после каждого вскрытия будете рассказывать мне о состоянии внутренних органов умершего, а я на основе ваших рассказов буду составлять заключение о смерти. Будете получать за это отдельно. Я думаю, что нам с вами этим делом придётся заниматься недолго. В конце концов нам пришлют настоящего патологоанатома, и мы найдём ему нового санитаря.

Виталий Петрович, как сказано выше, был человеком, на просьбы безотказным, и временно побыть санитаром морга согласился. И не думал тогда ни фельдшер Мошин, ни главврач Котов, что временная их работа затянется не на год, не на два и даже не на пять и не на десять лет...

Когда в райцентрской газете «Колос» появился новый, сразу обративший на себя внимание своими публикациями корреспондент, Виталий Петрович Мошин трудился в районной больнице уже двадцать третий год и столько же исполнял вверенную ему обязанность санитаря морга. К тому времени он стал в больнице и поликлинике незаменимым, а в райцентре, да и во всём районе — известным.

Как-то, будучи в отдалённом селе, зашёл он по просьбе главврача в школу, чтобы узнать у директора, в какой день можно приехать медикам из райцентра и провести, что называется, поголовную вакцинацию от гриппа. В школе шли занятия, и Виталий Петрович пошёл по коридору, читая надписи на дверях кабинетов. Возле учительской он увидел техничку, подтирающую в коридоре полы, и попросил её сообщить директору, что его спрашивают из района.

— Кто спрашивает? — в свою очередь осведомился директор.

— Да из больницы районной мужик, который покойников режет, — не растерявшись, ответила техничка.

В общем, Виталия Петровича в районе знали многие, хотя в газетах о нём не писали и фотографий его нигде не помещали.

Сам же фельдшер Мошин местную прессу читал. С интересом просматривал каждый новый номер газеты и отмечал интересные материалы и авторов, их написавших. Конечно же, он заметил появление нового автора и отметил его статьи. Андрей Кузнецов рассказывал о простых людях незаметных вроде бы профессий, о которых до него никто из районных корреспондентов никогда не писал и писать, видимо, не собирался. Героями его очерков и зарисовок становились приёмщик ягод и грибов на заготовительном участке, добытчик кедровых шишек из артели шишкарей, закройщик ателье в райцентре, техничка Дома культуры, сторож автопарка, заправщица АЗС, школьный истопник...

Когда в газете накануне очередного Дня медицинского работника появился очерк о гардеробщице поликлиники, отработавшей на одном месте тридцать лет, фельдшер Мошин понял, что рано или поздно новый корреспондент придёт и по его душу. Виталий Петрович предполагал два варианта личного знакомства с новым сотрудником редакции: в кабинете главврача, куда его пригласят для беседы, или же корреспондент позвонит ему лично домой, и тогда они договорятся о встрече.

Но всё случилось по-другому: сотрудник редакции записался к нему на приём и добросовестно отсидел в коридоре поликлиники очередь из пяти человек.

В тот день Виталий Петрович принимал больных как дерматолог, и Андрей, войдя в кабинет, завёл разговор о таком заболевании, как псориаз.

Петрович посоветовал пациенту, какой лучше мазью пользоваться, и назначил ему курс физиолечения. Беседа в

кабинете между фельдшером и корреспондентом длилась примерно около получаса, а потом продолжилась на скамейке в парке вечером, после восемнадцати часов, когда и Петрович, и Андрей свою работу в больнице и редакции закончили.

Они сразу понравились друг другу и, несмотря на солидную разницу в возрасте (пятнадцать с половиной лет), подружились. Первый же день их знакомства был отмечен, по предложению Андрея, в кафе «Мечта» возле автостанции, а закончился у дома Петровича, куда корреспондент поздним вечером привёл еле стоящего на ногах медика. Представитель районной прессы имел честь в тот вечер лично лицезреть супругу фельдшера Варвару.

Представлен он ей не был, но догадался сразу, что это она, когда увидел в наступающих сумерках, при зажжённом свете электрического фонаря, мощную женщину, вышедшую из ворот дома на требовательный стук и залиvistый лай собаки.

Варвара, подбоченившись, молча смотрела на пьяного мужа и выпившего незнакомца.

— Здравствуйте, — поприветствовал её Андрей и подвёл ближе к ней совершенно уже не соображающего Петровича. — Вот, примите человека, пожалуйста...

— Разве это человек? — сгребая одной рукой в объятия мужа, а другой взяв его за чуб, сказала Варвара. — Привязать его в огороде к пугалу надо, чтобы ворон отгонял, — к утру, может, и будет напоминать человека...

Она потрясла за волосы голову Петровича, затем приподняла его за талию и, не говоря больше ни слова, понесла мужа в дом.

После первой же их встречи между корреспондентом и фельдшером сложились доверительные, даже приятельские отношения. Не всегда, но, бывало, беседы их заканчивались (а то сразу и начинались), как и в день знакомства, выпивкой.

Андрей, правда, Петровича больше домой не доставлял, а при необходимости звонил его младшему сыну Анатолию — методисту районного Дома культуры. Тот подъезжал на своём «Москвиче» по указанному корреспондентом адресу и забирал отца.

Адреса, где чаще всего общались корреспондент с его отцом, Анатолию были хорошо известны: то же кафе «Мечта», редакция районной газеты, поликлиника. Иногда, случалось, сын забирал отца из домов его пациентов, куда Петрович изначально был приглашён для оказания медицинской помощи,

а потом отблагодарён и посажен за стол родственниками или самим заболевшим.

На самые интересные, с точки зрения фельдшера, визиты он брал с собой корреспондента. И Андрей на деле видел, на что способен Петрович, и у него появлялись всё новые и новые вопросы к герою его будущего произведения.

Иногда, когда приятели общались при помощи наполненных стаканов, Петровича тянуло на такие откровения, о которых бы он не поведал никому, кроме Андрея.

— Андрюха, не для печати! — предупреждал фельдшер, поднимая вверх указательный палец правой руки.

— Не для печати, Петрович! — давал слово корреспондент, поднимая вверх указательный палец своей руки.

— Ты не поверишь, но мне даже приходилось несколько раз делать бабам аборт. Искусственно прерывать беременность.

— Расскажи! — просил с горящими глазами корреспондент.

— Я знал и знаю, что на том свете меня за это самым страшным мукам предадут, но всё же шёл на это. Не мог отказать... А, наверное, потому, что первой была та самая Люська — доярка из Борка, на которой меня хотели женить.

— С этого места поподробнее, пожалуйста, записывать не буду и никому не скажу, — клялся Андрей и снова поднимал вверх указательный палец правой руки.

— Она первое время, как я сюда переехал, частенько ко мне в поликлинику наведывалась. В любовь поиграть со мною хотела, но ты же знаешь — я однолюб. Только Варвару люблю и ей всегда верен.

— Кто бы сомневался, — разводил руки Андрей.

— Ну так вот, Люську эту я и по-хорошему отваживал — ласково до двери кабинета провожал, и в грубой форме, даже с матерками, выпроваживал. А однажды она записалась ко мне на приём и говорит: я беременная. Беременность нежелательна, хочу от ребёнка избавиться. Давай делай мне что-нибудь, помогай, или рожу и скажу всем, что ребёнок твой.

— Значит, запугала она тебя?

— Я бы не сказал, что запугала меня эта шантажистка, но упала на колени передо мной и истерику закатила. А в коридоре полно народу, больные сидят... В общем, согласился я. Поговорил кое с кем, почитал литературу полуподпольную... И сделал.

— В кабинете прямо? — осведомился корреспондент.

— Ты не поверишь,— сказал Петрович, налив себе водки в стакан и сразу выпив.— Ни в кабинете у меня, ни у неё дома, а в морге.

Андрей чуть не захлебнулся, прервав процесс питья на половине и едва не выронив стакан.

— После обеда затишье как-то в поликлинике было, отвёл я её в морг, положил в ванную и сделал что надо. Она там часа два-три потом полежала, а вечером отвёз её домой на скорой.

— Ну ты, Петрович, точно спец на все медицинские руки,— искренне восхищался собеседником корреспондент.

— А то! — гордо засиял улыбкой фельдшер и тут же рассказал приятелю (не для печати) две истории о том, как он тайно, с помощью традиционных и народных средств, излечивал от венерических заболеваний председателя райпотребсоюза и заместителя руководителя района.

Корреспондент проверить сказанное фельдшером не мог, да и расследование проводить не собирался. Он верил новому другу на слово и в профессионализме его не сомневался.

А вот как работает Петрович в морге, Андрей, если бы захотел, мог увидеть воочию. Фельдшер несколько раз звал его с собой на вскрытие трупов, но бедный корреспондент, как и главврач больницы, покойников побаивался и предпочитал рассказанное увиденному.

— Мы с Котовым с самого начала договорились, что он перед вскрытием наливает мне полный стакан неразведённого медицинского спирта, я выпиваю, не запивая водой, половину и иду анатомировать. Когда подхожу к трупу, уже по одному взгляду определяю: у этого печёночка еле держится — пил много, у того сердчишко в руках расплывётся, едва возьмёшь, — не берёт себя, а у того вон лёгкое чернее антрацита — курил, как вулкан, бóльшую часть жизни. И почти всегда так оно и есть. Ошибаюсь редко. Отмечаю всё это сразу, а после вскрытия допиваю остатки спирта и, бывает, даже успеваю сдать акт главному. В основном в устной форме, но иногда и записи какие делаю. А он уже сам там дописывает. Потом пью прямо у него водичку, и тогда уже меня скашивает — падаю на боковую, и меня шофёр Угрюмов домой везёт. Сложного, как правило, ничего нет. Правда, один раз привезли из какой-то деревни повешенного. Три дня висел в амбаре, пока нашли. Уже разлагаться начал, а анатомировать надо, и заключение Котову писать для

милиции надо. Тогда говорю ему: наливай сразу два стакана. Он наливает (куда ему деваться?), я выпиваю один полный, надеваю повязку, чтобы не стошнило, — и за скальпель. Жутко вспоминать. В общем, проанатомировал беднягу, вышел и, ни слова не говоря, выпил второй стакан. Упал сразу. Всю ночь сушняк давил — водой отпивался. Дня через три только в себя пришёл — тогда только акт вскрытия составили.

Корреспондента иногда тошнило от рассказов фельдшера, так ясно он представлял работу приятеля, но все истории дослушивал до конца. За что, видимо, фельдшер и уважал его.

— Я, Виталий Петрович, решил сделать тебя героем не газетной статьи, а целого рассказа, — сказал как-то фельдшеру корреспондент. — В рассказ можно всю правду-матку вставить. Это уже художественная литература получится, а не просто газетная зарисовка о человеке.

— Правильно! — согласился фельдшер. — Я тебе ещё кое-что тогда из медицинских историй интересное расскажу, а ты мне пообещай, что ещё и про тестя моего в газете напишешь. Лучшего забойщика скота в нашем районе нет. А может, и по всему краю или даже по всей России. Я думаю, что если бы состоялось первенство мира по забою скота, то он бы по любой весовой категории чемпионом был.

— Замётано! — сразу согласился корреспондент. — Мне уже интересно увидеть этого человека! Когда меня с ним познакомишь?

— Да вот хоть в ближайшую субботу. Я как раз свободен. Можем к нему в гости нагрянуть.

— Идёт!

И в ближайшую субботу фельдшер и корреспондент первым рейсовым автобусом поехали в Борок.

Но, впрочем, это уже другой рассказ и уже не о санитаре морга, а об отце его супруги Варвары — Борисе Борисовиче Борисове, мастере забоя скота высшего класса.